

Аркадий Аверченко

Веселые устрицы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А19

А19 **Аверченко А.Т.**
Веселые устрицы / Аркадий Аверченко – М.: Книга по Требованию, 2021. – 74 с.

ISBN 978-5-458-14845-0

Юмористические. рассказы Аркадия Аверченко. Третье издание. Санкт-Петербург : издание М.Г. Корнфельда, 1910.

ISBN 978-5-458-14845-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

обычной скромностью. А я — могу дать честное слово, — увидѣвъ всю эту иллюминацію и радость, сдѣлалъ видъ, что совершенно не замѣчаю невинной хитрости и сантиментальныхъ, простодушныхъ попытокъ муниципалитета скрасить мой первый прїѣздъ въ большой незнакомый городъ... Скромно, инкогнито, сѣлъ на извозчика и инкогнито поѣхалъ на мѣсто своей новой жизни.

И вотъ — началъ я ее.

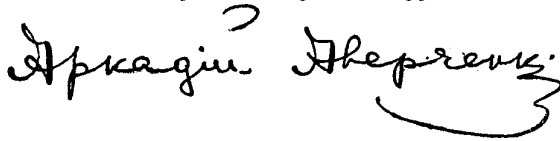
Первые мои шаги были связаны съ основаннымъ нами журналомъ «Сатириконъ», и до сихъ поръ я люблю, какъ собственное дитя, этотъ прекрасный, веселый журналъ (въ годъ 6 руб., на полгода 3 руб.).

Успѣхъ его былъ на половину моимъ успѣхомъ и, я съ гордостью могу сказать теперь, что рѣдкій культурный человѣкъ не знаетъ нашего «Сатирикона» (на годъ 6 рублей, на полгода 3 руб.).

Въ этомъ мѣстѣ я подхожу уже къ послѣдней, ближайшей эрѣ моей жизни и, я не скажу, но всякій пойметъ, почему я въ этомъ мѣстѣ умолкаю.

Изъ чуткой, нѣжной до болѣзненности скромности я умолкаю.

Не буду перечислять имена тѣхъ лицъ, которыя въ послѣднее время мною заинтересовались и желали со мной познакомиться. Но если читатель вдумается въ истинныя причины прїѣзда славянской депутаціи, испанскаго инфанта и президента Фальера, то, можетъ быть, моя скромная личность, упорно держащаяся въ тѣни, получить совершенно другое освѣщеніе...

I. ВЪ СВОБОДНОЙ РОССИИ

ИСТОРИЯ БОЛѢЗНИ ИВАНОВА.

Однажды безпартійный житель Петербурга Ивановъ вбѣжалъ, блѣдный, растерянный, въ комнату жены и, выронивъ газету, схватился руками за голову.

Что съ тобой? — спросила жена.

Плохо! — сказалъ Ивановъ. — Я лѣвѣю.

Не можетъ быть! — ахнула жена. — Это было бы ужасно... Тебѣ нужно лечь въ постель, укрыться теплымъ и натереться скипидаромъ.

Нѣтъ... что ужъ скипидаръ! — покачалъ головой Ивановъ и посмотрѣлъ на жену блуждающими, испуганными глазами. — Я лѣвѣю!

Съ чего же это у тебя, горе ты мое!? — простонала жена.

Съ газеты. Всталъ я утромъ — ничего себѣ, чувствовалъ все время безпартійность, а взялъ случайно газету...

— Ну?

— Смотрю, а въ ней написано, что въ Ченстоховѣ губернаторъ запретилъ читать лекцію о добываніи азота изъ воздуха... И вдругъ — чувствую я, что мнѣ его не хватаетъ...

— Кого это?

— Да воздуху же!.. Подкатило подъ сердце, оборвалось, дернуло изъ стороны въ сторону... Ой, думаю, что бы это? Да тутъ же и понялъ: лѣвѣю!

— Ты-бъ молочка выпилъ... — сказала жена, заливаясь слезами.

— Какое ужъ тамъ молочко... Можетъ, скоро баланду хлебать буду!

Жена со страхомъ посмотрѣла на Иванова.

— Лѣвѣешь?

— Лѣвѣю...

— Можетъ, доктора позвать?

— При чемъ тутъ докторъ!?

— Тогда, можетъ, пристава пригласить?

— Какъ всѣ почти больные, которые не любятъ, когда посторонніе подчеркиваютъ опасность ихъ положенія, — Ивановъ тоже нахмурился, засопѣлъ и недовольно сказалъ:

— Я ужъ не такъ плохъ, чтобы пристава звать. Можетъ быть, отойду.

— Дай-то Богъ, — всхлипнула жена.

Ивановъ легъ въ кровать, повернулся лицомъ къ стѣнѣ и замолчалъ.

Жена изрѣдка подходила къ дверямъ спальни и прислушивалась. Было слышно, какъ Ивановъ, лежа на кровати, лѣвѣлъ.

*

Утро застало Иванова осунувшимся, похудѣвшимъ... Онъ тихонько пробрался въ гостиную, схватилъ газету и, свѣжій убѣжавъ въ спальню, развернулъ газетный листъ.

Черезъ пять минутъ онъ вбѣжалъ въ комнату жены и дрожащими губами прошепталъ:

— Еще полѣвѣлъ! Что оно будетъ — не знаю!

— Опять, небось, газету читалъ, — вскочила жена. — Говори! Читалъ?

— Читалъ... Въ Ригѣ губернаторъ оштрафовалъ газету за указаніе очаговъ холеры...

Жена заплакала и побѣжала къ тестю.

— Мой-то... — сказала она, ломая руки. — Лѣвѣть.

— Быть не можетъ?! — воскликнулъ тестъ.

— Вѣрное слово. Вчерась съ утра былъ здоровъ, безпартійность чувствовалъ, а потомъ оборвалась печенка и полѣвѣлъ!

— Надо принять мѣры, — сказалъ тестъ, надѣвая шапку. — Ты у него отними и спрячь газеты, а я забѣгу въ полицію, заявку господину приставу сдѣлаю.

*

Ивановъ сидѣлъ въ креслѣ, мрачный, небритый, и, на глазахъ у всѣхъ, лѣвѣлъ. Тестъ съ женой Иванова стояли въ углу, молча, смотрѣли на Иванова, и въ глазахъ ихъ сквозилъ ужасъ и отчаяніе.

Вошелъ приставъ.

Онъ потерявъ руки, вѣжливо раскланялся съ женой Иванова и спросилъ мягкимъ баритономъ:

— Ну, какъ нашъ дорогой больной?

— Лѣвѣть!

— А-а! — сказалъ Ивановъ, поднимая на пристава мутные, больные глаза. — Представитель отживающаго полицейско-бюрократическаго режима! Намъ нужна закономѣрность...

Приставъ взялъ его руку, пощупалъ пульсъ и спросилъ:

— Какъ вы себя сейчасъ чувствуете?

— Мирнообновленцемъ!

Приставъ потыкалъ пальцемъ въ голову Иванова:

— Не готово еще... Не созрѣлъ! А вчера какъ вы себя чувствовали?

— Октябристомъ — вздохнулъ Ивановъ. — До обѣда правымъ крыломъ, а послѣ обѣда лѣвымъ...

— Гм... плохо! Болѣзнь прогрессируетъ сильными скачками...

Жена упала тестю на грудь и заплакала.

— Я, собственно, — сказалъ Ивановъ, — стою за принудительное отчужденіе частновладѣльч...

— Позвольте — удивился приставъ. — Да это кадетская программа...

Ивановъ съ протяжнымъ стономъ схватился за голову.

— Значить... я уже кадетъ!

— Все лѣвѣете?

— Лѣвѣю. Уходите! Уйдите лучше... А то я на васъ все смотрю и лѣвѣю.

Приставъ развелъ руками... Потомъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

Жена позвала горничную, швейцара и строго запретила имъ приносить газеты. Взяла у сына томику «Робинзона Крузо» съ раскрашенными картинками и понесла мужу.

— Вотъ... почитай. Можетъ, отойдетъ.

*

Когда она, черезъ часъ заглянула въ комнату мужа, то всплеснула руками и, громко закричавъ, бросилась къ нему.

Ивановъ, держась за ручки зимней оконной рамы, жадно прильнуль глазами къ этой рамѣ и что-то шепталъ...

— Господи! — воскликнула несчастная женщина. — Я и забыла, что у насъ рамы газетами оклеены... Ну, успокойся, голубчикъ, успокойся! Не смотри на меня такими глазами... Ну, скажи, что ты тамъ прочелъ? Что тамъ такое?

— Объ исключеніи Колюбакина... Ха-ха-ха! — проревѣлъ Ивановъ, шатаясь, какъ пьяный. — Отречемся отъ стараго мі-і-і...

Въ комнату вошелъ тестъ.

— Кончено! — прошепталъ онъ, благоговѣнно снимая шапку. — Бѣги за приставомъ...

*

Черезъ полчаса Ивановъ, блѣдный, странно вытянувшійся, лежалъ въ кровати со сложенными на

груди руками. Около него сидѣлъ тестъ и тихо читалъ подъ носъ угэрфуртскую программу. Въ углу плакала жена, окруженная перепуганными, недоумѣвающими дѣтьми.

Въ комнату вошелъ приставъ.

Стараясь не стучать сапогами, онъ подошелъ къ постели Иванова, пощупалъ ему голову, вынулъ изъ его кармана пачку прокламаций, какой-то металлическій предметъ и, сокрушенно качнувъ головой, сказали:

— Готово! Доспѣлъ.

Посмотрѣлъ съ сожалѣніемъ на дѣтей, развелъ руками и сѣлъ писать проходное свидѣтельство до Вологодской губерніи.

КТО ЕЕ ПРОДАЛЪ?...

I.

Не такъ давно «Русское Знамя» разоблачило кадетскую газету «Рѣчь»... «Русское Знамя» доказало, что вышеозначенная безприщипная газета открыто и нагло продаетъ Россію Финляндіи, получая за это отъ финляндцевъ большія деньги.

Совсѣмъ недавно безпощадный ослѣпительный прожекторъ «Русскаго Знамени» перешелъ съ газетъ на частныхъ лицъ, попалъ на меня, освѣтилъ всѣ мои дѣла и поступки, и обнаружилъ, что я, въ качествѣ еврействующаго журналиста, тоже подкупленъ и — продаю свою отчизну оптомъ и въ розницу, систематически ведя ее къ распаду и гибели.

Узнавъ, что маска съ меня сорвана, я сначала хотѣлъ было увернуться, скрыть свое участіе въ этомъ дѣлѣ, замаскировать какъ-нибудь тѣ факты, которые вопіюще громко кричатъ противъ меня, но — вѣдь все равно: рано или поздно все всплыветъ наружу и для меня это будетъ еще тяжелѣе, еще позорнѣе...

Лучше же я расскажу все самъ.

Добровольное признаніе — это все, что можетъ — если не спасти меня, то, хотя частью, облегчить мою вину...

Дѣло было такъ:

II.

Однажды служанка сообщила мнѣ, что меня хотятъ видѣть два господина по очень важному дѣлу.

— Кто же они такіе? — любопытствовалъ я.

— Будто иностранцы. Одинъ какъ будто изъ чухонцевъ, такой бѣлясь, а другой маленькій, косой, черный. Не иначе — японецъ.

Два господина вошли и, подозрительно оглядѣвъ комнату, поздоровались со мной.

— Чѣмъ могу служить?

— Я — прикомандированный къ японскому посольству маркизъ Оцуа.

— А, я, — сказалъ блондинъ, небрежно играя финскимъ ножомъ, — уполномоченный отъ финляндской революціонной партіи «Войма». Моя фамилія Муляйненъ.

— Я васъ слушаю, — кивнулъ я головой. Маркизъ толкнулъ своего сосѣда локтемъ, нагнулся ко мнѣ и, пронзительно глядя мнѣ въ глаза, прошепталъ:

— Скажите... Вы не согласились-ли бы продать намъ Россію?

Мой отецъ былъ купцомъ, и у меня на всю жизнь осталась отъ него наслѣдственная коммерческая жилка.

— Это смотря какъ... — прищурился я. — Продать можно. Отчего не продать?.. Только какая ваша цѣна будетъ?

— Цѣну мы дадимъ вамъ хорошую, — отвѣчалъ маркизъ Оцуа. — Не обидимъ. Только ужъ и вы не запрашивайте.

— Запрашивать я не буду, — хладнокровно пожалъ я плечами. — Но вѣдь нужно же понимать и то, что я вамъ продаю. Согласитесь сами, что это не мѣшокъ картофеля, а цѣлая громадная страна. И, притомъ, — нужно добавить горячо мною любимая.

— Ну, ужъ и страна!.. — иронически усмѣхнулся Муляйненъ.

— Да-съ! Страна! — горячо вскричалъ я. — Побольше вашей, во всякомъ случаѣ... Свыше пятидесяти губерній, двѣ столицы, рѣки какія! Желѣзные дороги! Громадное народонаселеніе, занимающееся хлѣбопашествомъ! Пойдите-ка, поищите въ другомъ мѣстѣ.

— Такъ-то такъ, — обмѣнявшись взглядомъ съ Муляйненомъ, возразилъ японецъ, — да вѣдь страна-то разорена... сплошное нищенство...

— Какъ хотите, — холодно проворчалъ я. — Не нравится — не берите.

— Нѣтъ, мы бы взяли, все таки... Намъ она нужна. Вы назовите вашу цѣну.

Я взялъ карандашъ, придвинулъ бумагу и сталъ долго и тщательно высчитывать. Потомъ поднялъ отъ бумаги голову и рѣшительно сказалъ:

— Десять миллионѡвъ.
Оба вскочили и въ одинъ голосъ воскликнули:
— Десять миллионѡвъ?!
— Да.
— За Россію?!
— Да.
— Десять миллионѡвъ рублей?!
— Да. Именно, рублей. Ни пфенниговъ, ни франковъ а рублей.
— Это сумасшедшая цѣна.
— Сами вы сумасшедшіе! — сердито закричалъ я. — Этакая страна за десять миллионѡвъ — это почти даромъ. За эти деньги вы имѣете чуть не десятокъ морей, уйму рѣкъ, пути сообщенія... Не забывайте, что за эту же цѣну вы получаете и Сибирь — эту громадную богатѣйшую страну!
Маркизь Оцуа слушалъ меня, призадумавшись.
— Хотите пять миллионѡвъ?
— Пять миллионѡвъ? — разсмѣялся я. — Вы бы мнѣ еще пять рублей предложили! Впрочемъ, если хотите, я вамъ за пять рублей отдамъ другую Россію, только поплоче. Въ кавычкахъ.
— Нѣтъ, — покачалъ головой Муляйненъ. — Эту и за пять копѣекъ не надо. Вотъ что... хотите семь миллионѡвъ — ни копѣйки больше!
— Очень даже странно, что вы торгуетесь, — обидчиво поежился я. — Покупаютъ то, что самое дорогое для истиннаго патріота, да еще торгуются!
— Какъ угодно, — сказалъ Муляйненъ, вставая. — Пойдемъ, Оцуа.
— Куда же вы? — закричалъ я. — Пойдите. Я вамъ, такъ и быть, миллионъ сброшу. Да и то не слѣдовало бы — ужъ очень страна-то хорошая. Я бы всегда на эту цѣну покупателя нашель... Но для перваго знакомства — извольте — миллионъ сброшу.
— Три сбросьте!
— Держите руку, — сказалъ я, хлопая по протянутой рукѣ. — Последнее слово, два сбрасываю! За восемь. Идетъ?
Японецъ придержалъ мою руку и сосредоточенно спросилъ:
— Съ Польшей и Кавказомъ?
— Съ Польшей и Кавказомъ!
— Покупаемъ.
Сердце мое отчего-то пребольно сжалось.
— Продано! — вскричалъ я, искусственнымъ оживленіемъ стараясь замаскировать тяжелое чувство. — Забирайте.
— Какъ... забирайте? — недоумѣвающе покосился на меня Оцуа. — Что значить, забирайте? Мы платимъ вамъ деньги, главнымъ образомъ, за то, чтобы вы своими фельетонами погубили Россію.
— Да для чего вамъ это нужно? — удивился я.
— Это ужъ не ваше дѣло. Нужно — и нужно. Такъ — погубите?
— Хорошо, погублю.

III.

На другой день, поздно вечеромъ къ моему дому подѣхало нѣсколько подводъ, и ломовики, кряхтя, стали таскать въ квартиру тяжелые, биткомъ набитые мѣшки.

Служанка моя присматривала за ними, записывая количество привезенныхъ мѣшковъ съ золотомъ и изрѣдка уличая ломовика въ томъ, что онъ потихоньку пытался засунуть въ карманъ сто или двѣсти тысячъ; а я сидѣлъ за письменнымъ столомъ и, быстро строча фельетонъ, добросовѣстно губилъ проданную мною родину...

Теперь — когда я окончилъ свою искреннюю тяжелую исповѣдь — у меня легче на сердцѣ. Пусть я безсердечный торгашъ, пусть я Іуда-предатель, продавшій свою родину... Но вѣдь — ха-ха! — восемь-то миллиончиковъ — ха-ха! — которые у меня въ карманѣ — не шутка.

И теперь, въ ночной тиши, когда я просыпаюсь, терзаемый странными видѣніями — передо мной встаетъ и меня пугаетъ только одинъ страшный, кошмарный вопросъ:

— Не продешевилъ-ли я?!

РУССКАЯ ИСТОРИЯ. ПОСВЯЩАЕТСЯ МИН—ВУ НАР. ПРОСВѢЩЕНІЯ.

I.

Одинъ русскій студентъ погибъ отъ того, что любилъ ботанику.

Пошелъ онъ въ поле собирать растенія. Шель, пѣсенку напѣвалъ, цвѣточки рвалъ.

А съ другой стороны поля показалась толпа мужиковъ и бабъ изъ Нижней Гоголевки.

— Здравствуйте, милые поселяне, — сказалъ вѣжливый студентъ, снимая фуражку и раскланиваясь.

— Здравствуй, щучій сынъ, чтобъ тебѣ пусто было, — отвѣчали поселяне. — Ты чего?

— Благодарю васъ, ничего, — говорилъ имъ студентъ, наклоняясь и срывая какую-то травинку.

— Ты — чего?!!

— Какъ видите: гербаризаціей балуюсь.

— Ты — чего?!!?!

Ухо студента уловило, наконецъ, странныя нотки въ настойчивомъ вопросѣ мужиковъ.

Онъ посмотрѣлъ на нихъ и увидѣлъ горящіе испугомъ и злобой глаза, блѣдныя лица, грязные жилистые кулаки.

— Ты-чего?!!?!

— Да что вы, братцы... Если вамъ цвѣточковъ жалко, — я, пожалуй, отдамъ вамъ ваши цвѣточки...

И выдвинулся изъ среды мужиковъ мудрѣйшій среди нихъ старикъ, Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто.

Былъ онъ старикъ бѣлый, какъ лунь, и глупый, какъ колода.

— Цвѣточки собираешь, паршивецъ, — прохрипѣлъ мудрѣйшій. — Брешетъ онъ, ребята! Холеру пушаетъ.

Авторитетъ стариковъ, бѣлыхъ, какъ лунь, и глупыхъ, какъ колода, всегда высоко стоялъ среди поселянъ...

— Правильно, Савельичъ!.. Хватай его, братцы... Заходи оттелева!

Студентъ завопилъ.

— Визгани, визгани еще, чертовъ сынъ! Можетъ, дьяволь, — твой батя — и придетъ тебѣ на выручку. Обыскивай его, дядя Миняй! Нѣтъ ли порошку какого?

Порошокъ нашелся.

Хотя онъ былъ зубной, но такъ какъ чистка зубовъ у поселянъ села Гоголевки происходила всего разъ въ недѣлю у казенной винной лавки и то — самымъ примитивнымъ способомъ, то культурное завоеваніе, найденное у студента въ карманѣ, завернутымъ въ бумажку, — съ наглядностью удостовѣрило въ глазахъ поселянъ злокозненность студента.

— Вотъ онъ, порошокъ-то! Холерный... Какъ, ребята, располагаете: потопить парня, али такъ, память?

Обѣ перспективы оказались настолько не заманчивыми для студента, что онъ сказалъ:

— Что вы, господа! Это простой зубной порошокъ. Онъ не вредный... Ну, хотите — я съѣмъ его?

— Брешешь! Не съѣшь!

— Увѣряю васъ! Съѣмъ — и мнѣ ничего не будетъ.

— Все равно, погибать ему, братцы. Пусть слопаешь!

— Студентъ сѣлъ посрединѣ замкнутого круга и принялся уписывать за обѣ щеки зубной порошокъ.

Болѣе сердобольныя бабы, глядя на это, плакали навзрыдъ и шептали про себя:

— Смерть-то какую, болѣзненный, принимаетъ! Молоденькій такой... а безъ покаянія.

— Вѣсь! — сказалъ студентъ, показывая пустой пакетикъ.

— Ышь и бумагу, — рѣшилъ Петръ Савельевъ, бѣлый какъ лунь и глупый, какъ колода.

По газетнымъ извѣстіямъ насыщеніе студента остановилось на зубномъ порошокѣ, послѣ чего — его, якобы, отпустили.

А на самомъ дѣлѣ было не такъ: студентъ, морщась, проглотилъ пустой пакетикъ, послѣ чего его стали снова обыскивать: нашли записную книжку, зубочистку и флаконъ съ гуммиарабикомъ.

— Ышь! — приказалъ распорядитель неприхотливаго студенческаго обѣда, Неуважай-Корыто.

Студентъ хотѣлъ поблагодарить, указавши на то, что онъ сытъ, но когда увидѣлъ наклонившія къ нему рѣшительныя бородатыя лица, то безмолвно принялся за записную книжку. Покончивъ съ ней, раздробилъ крѣпкими молодыми зубами зубочистку, запилъ гуммиарабикомъ и торжественно сказалъ:

— Видите, господа? Не правъ-ли я былъ, утверждая, что это совершенно безопасныя вещи?..

— Видимое дѣло, — сказалъ добродушный мужикъ по прозванію Коровій-Кирпичъ. — Занапрасну скубента изобидѣли.

— Темный вы народъ, — сказалъ студентъ, вздыхая.

Ему бы нужно было, ругнувши мужиковъ, раскланяться съ ними и удалиться, но студента погубило то, что онъ былъ интеллигентъ до мозга костей.

— Темный вы народъ! — повторилъ онъ, — Знаете ли вы, напримѣръ, что эпидемія холеры распространяется не отъ порошковъ, а отъ маленькихъ такихъ штучекъ, которыя бывають въ водѣ, на плодахъ и овощахъ — такъ называемыхъ вибрионовъ, столь маленькихъ, что на каплѣ воды ихъ гораздо больше, чѣмъ нѣсколько тысячъ.

— Толкуй! — недовѣрчиво возразилъ Петръ Савельевъ, но кое-кто сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ.

Въ общемъ, настроеніе было настолько благожелательное, что студенту простили даже его утвержденіе, будто-бы молнія происходитъ отъ электричества, и что тучи есть слѣдствіе водяныхъ испареній, переносимыхъ вѣтромъ съ одного мѣста на другое.

Глухой ропотъ поднялся лишь послѣ совершенно неслыханнаго факта, что луна сама не свѣтитъ, а отражаетъ только солнечный свѣтъ.

Когда же студентъ осмѣлился нахально заявить, что земля круглая, и что она ходитъ вокругъ солнца, то толпа мужиковъ навалилась на студента и стала бить..

Били долго, а потомъ утопили въ рѣкѣ.

Почему газеты объ этомъ умолчали — неизвѣстно.

II.

Выгнанный за пьянство телеграфистъ Васька Свищъ долго слонялся по полустанку, ища какого-нибудь выхода изъ своего тяжелаго положенія.

И совершенно неожиданно выходъ былъ найденъ, въ видѣ измятой кокарды, оброненной между рельсами какимъ-то загулявшимъ офицеромъ.

— Дѣло! — сказалъ Васька Свищъ.

Приладилъ къ своей телеграфистской фуражкѣ офицерову кокарду, надѣлъ тужурку, нанялъ ямщика и, развалившись въ кибиткѣ, скомандовалъ:

— Пшелъ въ деревню Нижняя Гоголевка! Жив-ва!! Тамъ заплатятъ.

Лихо звеня бубенцами, подлетѣла тройка къ старостиной избѣ.

Васька Свищъ молодцовато выскочилъ изъ кибитки и, ударивъ въ ухо изумленнаго его параднымъ видомъ прохожаго мужика, крикнулъ:

— Мерзавцы!! Запорю!! Начальство не уважаете?? Безпутничаете! Старосту сюда!!

Испуганный, перетревоженный выскочилъ, староста.

— Чего изволишь, батюшка?

— «Батюшка»? Я тебѣ, ррракалія, покажу, — батюшка!! Генерала не видишь? Это кто тамъ въ телѣгѣ ѣдетъ?.. Ты кто? Шапку нужно снять или не надо? Какъ тебя?

— Ко...коровій-Кирпичъ.

Телеграфистъ нахмурился и ткнулъ кулакомъ въ зубы растерявшагося Коровьяго-Кирпича...

— Староста! Взять его! Впредь до разбора дѣла. Я покажу вамъ!!! Распустились тутъ? Староста, сбей мнѣ мужиковъ сейчасъ: бумагу прочитать.

Черезъ десять минутъ всѣ мужики Нижней Гоголевки собрались сѣрой испуганной, встревоженной тучей.

— Тихо! — крикнулъ Васька Свищъ, выступая впередъ. — Шапки долой! Бумага: вслѣдствіе отношенія государственной интендантской комиссіи санитарныхъ образцовъ съ приложеніемъ сургучной печати, по соглашенію съ эмеритурнымъ отдѣломъ публичной библіотеки — собрать со всѣхъ крестьянъ по два рубля десять копѣекъ троттуарнаго сбора, со внесеніемъ онаго въ Санктъ-Петербургскій мировой сѣздъ!.. Поняли, ребята? Виновные въ уклоненіи подвергаются заключенію въ крѣпость срокомъ до двухъ лѣтъ, съ замѣной штрафомъ до 500 руб. Поняли?!

— Поняли, ваше благородіе! — зашелестѣли мужицкія губы.

— Благо-о-оодіе?! — завопилъ телеграфистъ. — Мерзавцы!!! Кокарды не знаете? Установленій казенной палаты на предметъ геральдики не читали?! Староста! Взять этого! И этого! Пусть посадятъ! Тебя какъ? Неуважай-Корыто? Взять!

Черезъ часъ староста съ поклономъ вошелъ въ избу, положилъ передъ телеграфистомъ деньги и сказалъ робко:

— Можетъ, оно... на счетъ бумаги... поглядѣть бы... Касательно печати...

— Осель!!! — рывкнулъ телеграфистъ, сунулъ въ карманъ деньги, брезгливо отшвырнулъ растеряннаго старосту съ дороги и, выйдя на улицу, вскочилъ въ кибитку.

— Я покажу вамъ, негодяи, — погрозилъ старостѣ телеграфистъ и скрылся въ облакѣ пыли.

Мудрѣйшій изъ мужиковъ Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, бѣлый, какъ лунь и глупый, какъ колода, подошелъ къ старостѣ и, почесавшись, сказалъ:

— Съ самого Петербурху. Чичасъ видно! Дешево отдѣлались, ребята!

ЛЮДИ.

Иванъ Васильевичъ Сицилистовъ приподнялся на одномъ локтѣ и прислушался...

— Это къ намъ, — сказалъ онъ задремавшей уже женѣ. — Наконецъ-то!

— Пойди, открой имъ. Намокши на дождь, тоже не очень пріятно стоятъ на лѣстницѣ.

Сицилистовъ вскочилъ и, полуодѣтый, быстро зашагалъ въ переднюю.

Открывъ дверь, онъ выглянулъ на лѣстницу. Лицо его расплылось въ широкую, радостную улыбку.

— Ба, ба!! А я то — позавчера ждалъ, вчера... Радъ Очень радъ! Милости прошу къ нашему шалашу.

Вошедшій впереди всѣхъ жандармскій офицеръ зажмурился отъ свѣта. Лицо его выражало самое искреннее недоумѣніе.

— Пардонъ!.. Но вы, вѣроятно... не поняли. Мы къ вамъ съ обыскомъ!

Хозяинъ залился смѣхомъ такъ, что закашлялся.

— Оригиналь... открылъ Америку! Вѣдь не буду же я думать, что вы пришли со мной въ преферансъ перекинуться.

Онъ весело захопоталъ около пришедшихъ.

— Позвольте пальтецо... Вамъ трудно снять. Ишь, какъ оно намокло! Теперь я вамъ посвѣчу... Осторожнѣ: тутъ порогъ.

Жандармскій офицеръ и приставъ недоумѣвающе переглянулись, и первый, потоптавшись, сказалъ нерѣшительно:

— Разрѣшите приступить. Вотъ предписаніе.

— Ни-ни-ни! И думать не можете! Изъ подъ дождя, съ измокшими ногами прямо за дѣло — этакъ не трудно и насморкъ схватить... А вотъ мы сейчасъ застрахуемся! А предписаніе ваше можете бабушкѣ подарить: неужели, порядочный человѣкъ не можетъ вѣрить порядочному человѣку безъ предписанія. Присядьте, господа! Виноватъ, ваше имя, отчество?

Офицеръ пожалъ плечами, отнеся этотъ жестъ къ улыбавшемуся уже въ усы приставу, и сказалъ, стараясь придать своимъ словамъ леденящій тонъ:

— Будучи официально уполномоченъ для производства обыска...

Хозяинъ замахалъ на него руками...

— Знаю, знаю!! Ахъ ты, Господи... ну, неужели, обыскъ отъ васъ уйдетъ? Развѣ же я не понимаю! Самъ помогу! Но почему намъ чуждаться хорошихъ человѣческихъ отношеній?... не правда ли... Никодимъ Ивановичъ, кажется!? да? хе-хе! Узналъ-сь, узналъ-сь!! И никогда не догадаетесь — откуда?! На донышкѣ фуражки вашей въ передней прочель!! Ха-ха-ха!! Такъ вотъ... Лизочка! (Это моя жена... Превосходнѣйшая женщина!.. Я васъ познакомлю). Лизочка, дай намъ чего-нибудь, — господамъ офицерамъ съ дождя погрѣться!.. Ни-ни! Откажетесь — безумно меня обидите!!

Изъ сосѣдней комнаты вышла прехорошенькая молодая женщина. Приводя мимоходомъ въ порядокъ пышные волосы, она улыбнулась и сказала, шуря заспанные еще глазки:

— Отказать мужчинѣ вы еще могли, но дамѣ — фи! Это будетъ не по джентльменски!

Мужъ представилъ:

— Моя жена Елизавета Григорьевна — Никодимъ Ивановичъ! Господинъ приставъ... виноватъ, не имѣю чести...

Приставъ такъ растерялся при видѣ вышедшей красавицы, что вскочилъ и, щелкнувъ каблуками, преувеличенно громко отрекомендовался:

— Крутиловъ, Валеріанъ Петровичъ!

— Да что вы!? Очень рада. У меня сына одного Валея зовутъ. Лукерья!

Явившейся кухаркѣ она приказала:

— Проведи понятыхъ и городскихъ пока на кухню! Разогрѣй пирогъ, достань колбасы, огурцовъ... Водки тамъ, кажется, есть съ полчетверти... Однимъ словомъ, займись ими... А я похлопочу насчетъ ихъ благородій!

Улыбнувшись смотрѣвшему на нее во всѣ глаза приставу, она выпорхнула.

Жандармскій офицеръ, ошеломленный, открылъ ротъ и началъ:

— Извините, но...

За дверью послышался шумъ, возня, дѣтскіе голоса и въ комнату ворвались два ликующихъ сорванца лѣтъ пяти-шести.

— Обыскъ, обыскъ! У насъ обыскъ! — подпѣвали они въ тактъ прыжкамъ, — такимъ тономъ, будто радовались принесенному пирожному.

Одинъ, топая босыми ноженками, подбѣжалъ къ офицеру и ухватилъ его за палецъ.

— Здравствуй! Покатай меня на ногѣ, такъ: гопъ, гопъ!

Отець сокрушено покачалъ головой.

— Ахъ вы, экспроприаторы етакіе! Вы ужъ извините ихъ... Это ихъ въ Одессѣ у меня разбаловали. Обыски у меня бывали чуть не два раза въ недѣлю... ну, для нихъ и не было лучшаго удовольствія. Подружились со всѣми... Вѣрите — шоколадъ стали имъ носить, игрушки...

Видя, что мальчикъ тянется губками къ его рыжимъ длиннымъ усамъ, жандармскій офицеръ нагнулся и поцѣловалъ его.

Другой сидѣлъ верхомъ на колѣнѣхъ пристава, и, разсматривая погоны, дѣловымъ тономъ спрашивалъ:

— Сколько у тебя звѣздочекъ? А сабля — вынимается? Я въ Одессѣ самъ вынималъ — ей Богу!

Вошедшая съ подносомъ, на которомъ стояли разноцвѣтныя бутылки и закуски, мать искусственно-строго замѣтила:

— Сколько разъ я тебѣ говорила, что божиться — дурная привычка! Онъ надоѣдаетъ вамъ — спустите его на полъ.

— Ничего-съ... Помилуйте! Тебя какъ зовутъ, крыса, а?

— Митей. А тебя?

— Приставъ разсмѣялся.

— Вaley. Будемъ знакомы.

Мать, улыбаясь гостямъ, наливала въ рюмки коньякъ и, подвигая офицеру икру, говорила:

— Милости прошу. Согрейтесь! Намъ такъ совѣстно что изъ-за насъ вы обезпокоили себя въ эту дурную погоду...

— Валя! Дай мнѣ икры, — потребовалъ Митя, царапая пальцемъ пуговицу на сюртукѣ пристава.

—

Черезъ часъ жандармскій офицеръ, подперевъ кулакомъ щеку, курилъ предложенную ему хозяиномъ сигару и слушалъ.

— Разногласіе съ меньшевиками, — объяснялъ хозяинъ, — происходитъ у насъ, главнымъ образомъ, изъ-за тактическихъ вопросовъ... Затѣмъ, наше отношеніе къ террору...

Покачивая на рукахъ уснувшаго ребенка, и, стараясь не шумѣть, приставъ пытался сѣсть такъ, чтобъ спящаго не раздражалъ свѣтъ лампы.

Городовой Харламповъ муслилъ толстый палецъ и потомъ, хлопая картой по столу, говорилъ:

— А вотъ мы вашего короля прихлопнемъ! Теперича — дворникъ — принцъ, а вы Лукерья Абрамовна — королевой будете. Вродѣ какъ бы англійская Викторія. Хе-хе!

Лукерья застѣнчиво улыбалась, наливая пиво въ пустые стаканы.

— Тоже вѣдь придумаетъ эдакое... Ужъ сказано про васъ — бюрократическій режимъ.

ПОЧЕСТИ.

Въ № 11981 «Новаго Времени»
Меньшиковъ написалъ тысячный фельтонъ.

Меньшиковъ проснулся рано утромъ.

Спустилъ съ кровати сухія съ синими жилами ноги, сунулъ ихъ въ туфли, вышитыя и поднесенныя ему въ свое время Маріей Горячковой, и — сейчасъ же подошелъ къ окну.

— Погодка, кажется, благопріятствуетъ, — пробормоталъ онъ, съ довольнымъ видомъ кивнувъ головой — я радъ, что погода не помѣшаетъ народнымъ массамъ веселиться въ радостный для нихъ день юбилея.

Одѣвшись, онъ зачерпнулъ изъ лампадки горстью масло и обильно смазалъ рѣдкіе, топорщившіеся волосы.

— Для ради юбилея, — прошепталъ онъ, ежась отъ струйки теплаго масла, поползшей по сухой согнутой спинѣ.

Черезъ полчаса швейцаръ суворинскаго дома открылъ на звонокъ дверь и увидѣлъ сидящаго, въ ожиданіи, на ступенькахъ лѣстницы Меньшикова.

— Ты чего, старичекъ, по параднымъ звонишься? — привѣтствовалъ его швейцаръ, — Шель бы со двора.

— День то какой нонѣ, Никитушка!

— Какой день? Обнаковенный.

— Никитушка! Да вѣдь можешь ты понять, тысячный фельтонъ сегодня идетъ!

— Такъ.

— Ну, Никитушка?

— Да ты что, ровно глухарь на току топчешься? Хочешь чего, что ли?
 — Поздравь меня, Никитушка.
 — Экий ты несообразный старичекъ... Съ чѣмъ же мнѣ тебя поздравлять?
 — Никитушка!.. Тысячный фельетонъ. Сколько я за нихъ брани и поношенія принялъ...
 — Ну, такъ что-же?
 — Поздравь меня, Никитушка.
 — Экъ вѣдь тебя растревожило. Ну, что ужъ съ тобой дѣлать: поздравляю.
 — Спасибо, Никитушка! Я всегда прислушивался къ непосредственному голосу народа. Вотъ обожди, я тебѣ на водку дамъ... Куда же это я капиталы засунулъ? Вотъ! Десять копѣчекъ... Ты ужъ мнѣ, Никитушка, три копѣчки сдачи сдай. Семь копѣчекъ тебѣ, а три копѣчки мнѣ... Хе-хе, Никитушка...
 — На! Эхъ ты, жила.
 — Не благодари, Никитушка... Ты заслужилъ. Это вѣдь говорится такъ — на водку, а ты бы лучше на книжку ихъ въ сберегательную кассу снесъ... Ей Богу, право. Самъ то — встать?
 — Встать. Иди ужъ. Ноги только вытри.

*

— Къ вамъ я, Алексѣй Сергѣичъ...
 — Что еще? Говорилъ я, кажется, что не люблю, когда ты на домъ приходишь. Не хорошо, — увидеть могутъ. Если нужно что, можешь въ редакціи поманить пальцемъ въ темный уголокъ — попросишь, что нужно.
 — День-то какой нынче, Алексѣй Сергѣичъ!
 — А что — дождь?
 — Изволили читать сегодня? Тысячный фельетонъ у меня идетъ.
 — Ну?
 — Можно сказать — праздникъ духа.
 — Да ты говори яснѣе: гривенникомъ больше хочешь за строчку по этому случаю?
 — За это я вашимъ вѣчнымъ молитвенникомъ буду... А только — день-то какой!
 — Да тебѣ-то что нужно?
 — Поздравьте, Алексѣй Сергѣичъ!
 — Удивляюсь... Ну, скажи — зачѣмъ тебѣ это понадобилось?
 — Меньшиковъ переступилъ съ ноги на ногу.
 — Хочу, чтобы, какъ у другихъ... Тоже, если юбилей, то поздравляютъ.
 — Глупости все выдумываешь! Иди себѣ съ Богомъ!

*

Придя въ редакцію, Меньшиковъ подошелъ къ столу Розанова и протянулъ ему руку.
 — Здравствуйте, Василь Васильичъ!
 Близорукій Розановъ привѣтливо улыбнулся, осмотрѣлъ протянутую руку и повелъ по ней взглядомъ до плеча Меньшикова. Съ плеча перешелъ на шею, но когда дошелъ до лица, то снова опустилъ взглядъ на бумагу и сталъ прилежно писать.
 — Я говорю: здравствуйте, Василь Васильичъ!
 — ...Бракъ не есть наслажденіе... — бормоталъ Розановъ, скрипя перомъ. — Бракъ есть долгъ передъ вѣчнымъ...
 Отъ напряженнаго положенія протянутая рука Меньшикова стала затекать. Опустить ее сразу было неловко, и онъ сдѣлалъ видъ, что ощупываетъ карандашъ, лежавшій на подставкѣ.
 — Странный карандашикъ... Такимъ карандашикомъ неудобно, я думаю, писать...
 Меньшиковъ опустилъ на стулъ, рядомъ со столомъ Розанова, и беззаботно заговорилъ:
 — А я сегодня тысячный фельетонъ написалъ. Ей Богу. Можете поздравить, Василь Васильичъ... Много написалъ. Были большіе фельетоны и маленькіе были. Да-съ... Сегодня меня, впрочемъ, уже многіе поздравляли: швейцаръ Никита — этакій славный народный черноземъ! Алексѣй Сергѣичъ поздравляли...
 — ...Всякое половое чувство должно быть радостнымъ и извѣчнымъ... — бормоталъ, начиная новую страницу, Розановъ.
 — Я ужъ такъ и рѣшилъ, Василь Васильичъ: напишу тысячный фельетонъ о печати! Хе-хе! Изволили читать? Вы гдѣ, на дачѣ въ этомъ году живете? Впрочемъ, я думаю, что разговоръ со мной отвлекаетъ васъ? Ухожу, ухожу. Люблю, знаете, съ пріятелемъ въ бесѣдѣ старое вспомнить... До свиданья, Василь Васильичъ...

Меньшиковъ протянулъ опять руку, подержалъ ее минуты три, потомъ потрогалъ прессъ-папье и, сказавъ одобрительно:

— Славное прессъ-папье! —

*

Старческими шагами побрелъ къ кабинету А. Столыпина.
— Здравствуйте, Александръ Аркадьичъ! Меньшикову очень хотѣлось, чтобы Столыпинъ, хотя бы по случаю юбилея, пожалъ ему руку. Но старый, усталый мозгъ не зналъ — какъ это сдѣлать?
Постоявъ минутъ десять у стола Столыпина, Меньшиковъ пустился на хитрость:
— А вы знаете — черезъ три минуты будетъ дождь...
— Вѣчно ты, братъ, чепуху выдумываешь, — проворчалъ Столыпинъ.
— Ей Богу. Хотите пари держать?
Простодушный Столыпинъ попался на эту удочку.
— Да вѣдь проиграешь, старая крыса?
Однако, руку протянулъ. Меньшиковъ съ наслажденіемъ долго мялъ столыпинскую руку. Когда Столыпинъ вырвалъ ее, Меньшиковъ хихикнулъ и, довольный, сказалъ:
— Спасибо за то, что поздравили!

*

Потомъ Меньшиковъ ушелъ изъ редакціи и долго бродилъ по улицамъ, подслушивая, что говоритъ народъ о его юбилеѣ.
Никто ничего не говорилъ. Только въ трамваѣ Меньшиковъ увидѣлъ одного человѣка, читавшаго «Новое Время».
Подсѣлъ къ нему и, хлопнувъ по своей статьѣ, радостно засмѣялся.
— Что вы думаете объ этой штукѣ? Читавшій сказалъ, что онъ думаетъ. Меньшиковъ вышелъ изъ трамвая и долго шелъ безъ цѣли, бормоча про себя:
— Самъ ты старый болванъ! Туда же — въ критику пускается.

*

Вечеромъ сидѣлъ у кухарки на кухнѣ и рассказывалъ:
— Усталъ я за день отъ всего этого шума, поздравленій, почестей... Начиная отъ швейцаровъ — до Столыпина — всѣ, какъ одинъ человѣкъ. А Столыпинъ... чудакъ, право. Схватилъ руку, трясетъ ее, трясетъ пожимаетъ — смѣхъ, да и только! Старикъ тоже — увидѣлъ меня, говорить: что нужно — проси! Отведи въ уголокъ и проси. Ей Богу, не вру! Хочешь, говорить, набавить — набавлю. Публика тоже... Въ трамваяхъ тоже... обсуждаютъ статью.

*

Ночью онъ долго плакалъ.

РОБИНЗОНЫ.

Когда корабль тонулъ, спаслись только двое:
Павель Нарымскій — интеллигентъ.
Провъ Ивановъ Акаціевъ — бывший шпикъ.
Раздѣвшись до гола, оба прыгнули съ тонувшаго. корабля и быстро заработали руками, по направленію къ далекому берегу.
Провъ доплылъ первымъ. Онъ вылѣзъ на скалистый берегъ, подождать Нарымскаго и, когда тотъ, задыхаясь, сталъ вскарабкиваться по мокрымъ камнямъ, — строго спросилъ его:
— Вашъ паспортъ!
Голый Нарымскій развелъ мокрыми руками:
— Нѣту паспорта. Потонулъ. Акаціевъ нахмурился.
— Въ такомъ случаѣ, я буду принужденъ...
— Нарымскій ехидно улыбнулся.
— Ага... Некуда!
Провъ зачесалъ затылокъ, застоналъ отъ тоски и безсилія и потомъ, молча, голый и грустный, побрелъ въ глубь острова.

—

Понемногу Нарымскій сталъ устраиваться. Собралъ на берегу выброшенные бурей обломки и нѣкоторыя вещи съ корабля, и сталъ устраивать изъ обломковъ — домъ.
Провъ сумрачно слѣдилъ за нимъ, прячась за сосѣднимъ утесомъ и потирая голыя худыя руки. Увидѣвъ, что Нарымскій уже возводитъ деревянныя стѣны, Акащевъ, крадучись, приблизился къ нему и громко закричалъ:
— Ага! Попался! Вы это что дѣлаете? Нарымскій улыбнулся.
— Предварилку строю.